

МАРИ КВИН

ТЕРНУ И ВОЗДЕРЖИВАЙСЯ

SUSTINE ET ABSTINE

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К32

Квин М.

К32 Терпи и Воздерживайся / М. Квин — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 154 с. — (Святые и грешники)

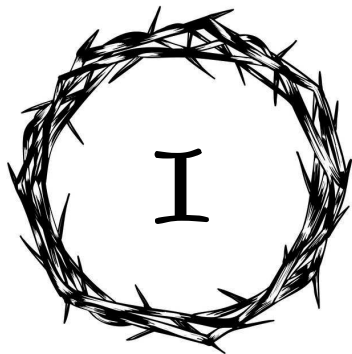
ISBN 978-5-517-11907-0

Виллермо — священник, Маддалена — проститутка. Раз в неделю она исповедуется, рассказывая откровенные подробности своей работы. Ему остается только напоминать себе, что это — очередное испытание его веры, но однажды Маддалена, запачканная кровью, просит приют...

BIC FP
BISAC FIC005000

ISBN 978-5-517-11907-0

© М. Квин, текст, 2024
© А. Грищенко,
художественное оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024
© РИПОЛ классик, оформление, 2024

Ранняя весна в Неаполе особо не радовала. Дождь шел уже третий день: то лил, словно собирался обрушить все осадки на головы людей, то как будто давал поблажку, передышку и стихал, превращаясь в противную изморось.

Пусть дни под конец марта становились уже теплее, вечером значительно холодало. Отец Виллермо Клементе вышел из церкви Сан-Фердинандо и сделал глубокий вдох, позволяя прохладному воздуху проникнуть в легкие и распространиться по телу.

Площадь Триесте и Тренто уже не была такой многолюдной. Местные расходились по домам, немногочисленные туристы еще гуляли, но явно собирались последовать примеру неаполитанцев. Отец Виллермо с интересом наблюдал за людьми несколько секунд, затем раскрыл зонт и, обходя лужи, отправился на прогулку.

Детская привычка, привитая матерью, не забылась и в тридцать четыре. Синьора Мариса Клементе выводила его в любую погоду, в любом настроении. Они надевали то, в чем обычно ходили на воскресные службы: она — длинное платье или юбку, блузку, он — рубашку и брюки, затем неспешно прогуливались. Мариса слушала отрывки из Библии, которые Виллермо должен был выучить, и каждый раз, если он говорил какое-то слово неверно, хмурилась, сильнее сжимала его руку и говорила, что виной всему его лень и неспособность расставить приоритеты.

Весь остаток вечера и следующий день Виллермо проводил в зубрежке, а вечером снова рассказывал отрывки матери на вечерней прогулке. Сначала Виллермо это не нравилось. Он хотел играть с другими детьми, с завистью глядя на соседских мальчишек, которые играли в футбол и смеялись над ним, когда вечером он проходил с матерью. Он однажды сказал это ей. Сказал, что хотел бы тоже поиграть. Сказал, что хотел бы больше времени проводить со сверстниками. Сказал, что хотел бы носить футболки с супергероями и джинсы, а не потеть в рубашке и брюках со стрелкой.

— *Твоя зависть, Виллермо, показывает, что ты убежден в несправедливости порядка, который установил Бог.*

Мариса Клементе произнесла это с таким презрением, что Виллермо стало стыдно. Он хорошо жил. У него была мать. У него была крыша над головой. У него была еда. У него была возможность читать, получать образование. Кому-то и этого не дано. И вместо того, чтобы довольствоваться этим, он думал о футболке с Человеком-пауком и игре в футбол во дворе.

Стыдно!

Позорно!

Недостойно ученика католической школы и сына Марисы Клементе — образцовой прихожанки с самыми вкусными бискотти, которые она приносила на воскресную мессу!

Прогуливаясь сейчас по площади, Виллермо думал о дне, подходящем к концу. Подумал о матери, которая не зря заставляла его учить, заниматься. Он был лучшим учеником в церковной школе. Он окончил семинарию. Он принял сан. Он делал доброе дело, помогал людям. Получилось ли у него все это без нее? Без ее строгого воспитания и наказаний? Нет. Конечно, нет. Его бы одолели лень, похоть, зависть. Он бы не смог стать хорошим. Стал бы грешником, недостойным любви Бога.

Сейчас Виллермо был согласен со всеми словами матери. Сейчас он был ей благодарен. Сейчас он был готов к борьбе.

Маддалена приходила стабильно раз в неделю. Стабильно приходила на исповедь к нему. Стабильно рассказывала о своих буднях в самой древней профессии. Стабильно выкладывала слишком много подробностей, которые были ему ни к чему.

Виллермо принимал ее за еще одно испытание его веры. Его не обманывало ее лицо с немного пухлыми щеками и ямочками, обрамленное темным каре, не обманывали детские черты, не обманывал невинный взгляд. Маддалена была потерянной душой, которая не осознавала свои действия, поддавалась дьявольским мыслям, искушая его, и нуждалась в наставнике и свете.

Виллермо был не против, но с каждым разом разговоры с ней давались все тяжелее. С каждым разом греховных мыслей приходило все больше, а он снова вспоминал себя мальчишкой, которого мать застала за рукоблудием.

— *В этом нет ничего такого!*

Ему было тринадцать. Приятель со двора заметил, как он смотрел на рекламу, где была изображена девушка в нижнем белье, и поделился способом снять напряжение, перед этим посмеявшись над его неопытностью, но потом добавил, что все так делают.

— *Если нет, то продолжай.*

Мариса поставила стул, села напротив него и внимательно начала наблюдать. Виллермо вдруг стало стыдно. Он стоит перед матерью со спущенными штанами, думает о женщине, чье изображение в не самом пристойном виде напечатано на сотнях тысяч экземплярах рекламы.

— *В чем проблема, Виллермо?*

Он молчал.

— *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем, — продолжила Мариса. — Если правая рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтоб погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввергнуто в геенну.*

Виллермо инстинктивно сжал пальцы в кулаки, словно снова почувствовал, что мать отлупила его руки линейкой,

и вдохнул прохладный воздух. Маддалена — это просто испытание, с которым он сможет справиться. И он сделает это, какие бы искушения она не придумала на сегодня.

Она всегда приходила вечером, когда уже темнело. Виллермо уже закончил с обычными делами, сидел в исповедальне и ждал, когда дверь через стенку скрипнет, когда в небольшом окошке силуэт мелькнет, когда он почувствует запах никотина, а потом услышит девичий голос.

В этот вечер Маддалена задерживалась. Виллермо взглянул на часы несколько раз, невольно задумавшись, что могло произойти. А произойти в жизни, которую вела Маддалены, могло многое, причем скорее плохое, чем хорошее. Мысли уже начали вариться в не самом приятном вареже, но дверь все-таки заскрипела.

— Простите меня, Отец, ибо я согрешила...

Тихий девичий голос дрогнул. Виллермо узнал его и мельком взглянул в небольшое окошко. Голос определенно принадлежал ей, но нотка волнения, страха ему не понравилась.

— Когда в последний раз ты была на исповеди, дитя мое?

— Вы знаете, падре. Я хожу только к вам.

Голос прозвучал более привычно. Виллермо внимательнее посмотрел на Маддалену. Он видел ее профиль, видел опущенные плечи и голову. Что-то все равно ему не нравилось в этой картине, но нащупать что-то конкретное не получалось. Внутри все начало зудеть от раздражения на себя. Пытаясь отделаться от этого ощущения, словно от назойливой мушки, Виллермо хотел задать свой следующий вопрос, но Маддалена его опередила:

— Этот придурак принял четки за анальные бусы.

Маддалена подняла руки, показывая четки, о которых и зашла речь.

— Предложил использовать. Они просто выпали у меня из сумки... Святоша чертов... Ведь ходит к вам каждое воскресенье со своей женой и детьми... а сам подкладывает под меня зеркало, чтобы видеть, как я кончу, и просит засунуть четки в зад. Он даже завелся, когда понял, что именно у меня в руках...

Виллермо посмотрел на потолок, отгоняя от себя слишком яркие образы, которые возникали каждый раз, когда Маддалена говорила.

— Все... все пошло немного не так... И... мне нужен приют. Ведь... еще можно просить приют, Отец Виллермо? Я... он и раньше был свиньей, но в этот раз...

Виллермо заметил, что голос Маддалены опять дрожал, дрожал сильнее. Он услышал всхлип, нервный смех и почувствовал, что внутри все снова начало зудеть, словно куча мелких насекомых беспорядочно передвигались по нему всеми своими лапками.

— Я не хотела... я, но...

Маддалена сорвалась на плач: тихий, усталый, безнадеежный. Виллермо понял, что сейчас не дождется ответа. Он вышел из комнатки и направился к соседней двери.

Маддалена была довольно миниатюрной. Хотя ей было слегка за двадцать, она все еще походила на нескладного подростка. Сейчас она казалась еще меньше, когда закрыла лицо руками, вся скукожилась, словно хотела вжаться в себя, и забила в угол.

Виллермо вдруг заметил, что юбка на ней порвана, что она босиком, что вымокла вся до нитки под дождем. Но больше всего его испугали пятна крови на майке, на юбке.

— Я не хотела, Отец Виллермо, не хотела...

Двумя неделями ранее

— **Д**оброе утро, Отец Виллермо.
— Доброе утро, Леон.

Виллермо зашел в пекарню и приветливо улыбнулся ее хозяину — старику Бьяджо, который уже начал суетиться, чтобы дать Виллермо свежий хлеб. Запах свежее испеченной выпечки уже полностью завладел пекарней, смешиваясь с ароматом кориандра, корицы и крепкого кофе, который наверняка варила супруга Леона.

— Самая свежая выпечка, падре, — с улыбкой заверил Бьяджо, отдавая сверток.

Виллермо благодарно кивнул и пожелал хорошего дня.

Выйдя из пекарни, Виллермо направился по своему обычному маршруту к церкви через площадь Тренто и не без улыбки взглянул на художников. Скорее всего, они приехали на традиционный мартовский сбор.

Неаполь был его родным городом. Виллермо привык к его улицам, привык к улыбчивым хозяевам небольших магазинчиков, привык к тому, что в городе была особая атмосфера, которая открывалась далеко не каждому.

Неаполь для Виллермо был таким: дружелюбным, пахнущим свежим хлебом и специями, наполненный приятными мелочами, которые заставляли его вспомнить о городе что-то, что заставляло улыбнуться.

Виллермо знал и другой Неаполь. Слушая исповеди прихожан, работая в приютах, помогая людям, Виллермо порой все еще удивлялся тем трудностям, через которые Господь заставлял проходить людей, но вера в то, что Господь не посылает испытание не по силам, лишь укреплялась.

Виллермо верил, что Неаполь более многолик по сравнению с другими итальянскими городами. Уютные площади, наполненные артистами и приятными запахами, сменялись хаосом, грязью и обшарпанными зданиями. Музыка уличных музыкантов, ароматы пиццы легко переплетались с громкой руганью, запахом никотина и выяснением отношений.

Первое, что говорили о Неаполе — это криминальный город, где нужно быть начеку, но тут же добавляли, что его культурная сторона росла. Администрация по мере сил развивала эту сферу, надеясь привлечь туристов, заманивая выставками, ярмарками, представлениями. Но обязательно предупреждала: нельзя никому давать свой фотоаппарат, прося сделать фото — убегут вместе с камерой. И это в лучшем случае. Повезет, если просто останешься без денег и ценностей.

Неаполь раздражал или очаровывал. Третьего не дано.

Виллермо город очаровал. Пусть он и не был идеальным. Пусть и имел свою темную сторону. Ему нравилось, что город походил на человеческую душу, в которой постоянно происходила борьба ее светлого начала и темного.

Виллермо спокойно добрался до церкви, наслаждаясь первыми по-настоящему теплыми лучами, и приступил к работе. Такие дни проходили тихо, но деятельно. Под конец дня он обычно садился перед изображением Девы Марии, читал вечернюю молитву и со спокойной душой уходил домой. Но неожиданно все изменилось.

Маддалена появилась в его жизни восемь месяцев назад. Юная душа, потерявшая ориентир. Виллермо узнал, что она выросла в Скампии, самом криминальном районе города. Окраина Неаполя. Даже полицейские патрули старались не соваться туда лишний раз.

Узнав об этом, Виллермо удивился, что каждую неделю она проделывала такой путь до церкви. Маддалена громко засмеялась. Ее смех наполнил все пространство: звонкий, громкий, почти детский. Она успокоилась и завершила, что давно сбежала из Скампии. Что ей помог добрый человек.

Виллермо сомневался: можно ли назвать сутенера добрым человеком. Проституция вне Скампии наверняка была безопаснее, чем там, но делало ли это Алонзо Пеларатти тем, о ком можно было говорить такие слова?

Это была ее первая исповедь. Виллермо потом думал об этом всю прогулку, а после — ночь. Утром он пришел к выводу, что социальная сирота просто не могла знать, что такое настоящая доброта и принимала за нее то, что ею не являлось.

Ему стало еще больше жаль ее. Пути Господни неисповедимы, так что не зря Маддалена попала в его церковь. Значит, именно он должен ей помочь.

Но ничего не бывает так просто.

Мать предупреждала его о таком. Всем на пути попадаются испытания силы духа, веры.

Маддалена — это его испытание. Когда она впервые заговорила о том, что с ней делали клиенты, Виллермо даже немного покраснел. Их было двое, они занимались ею по очереди, а потом просто смотрели, как она ласкала себя, похотливо извиваясь на кровати.

— *У вас когда-нибудь был секс втроем, Отец?*

До этого она говорила спокойно, словно на приеме у психотерапевта, пересказывая свой день, и Виллермо удивился столь дерзкому вопросу, заданному громче.

— *Я дал обет безбрачия.*

— *А до обета?*

— *Блуд считается грехом, дитя мое.*

— *Значит, вы — девственник?*

Виллермо уловил в интонации игривые нотки и внимательнее посмотрел в окошко, разделяющее их. Маддалена уставилась прямо на него. В ее глазах был странный блеск, словно кошка нашла себе игрушку, но еще не понимала, вле-